

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
I	
Иммануил Нобель	9
Иммануил Нобель и сыновья	37
Иммануил и Андриетта	77
II	
Людвиг	121
Роберт	147
Роберт и Людвиг	171
Братья Нобель	201
Конец эпохи	235
III	
Третье поколение	259
Эммануил	287
Годы расцвета	309
Социальное обеспечение и благотворительность	327
Политическая нестабильность, экономический рост и война	349
1917 год	373
IV	
После праздника	395
Постскриптум	421
P. P. S.	442
Послесловие	444
Генеалогическое древо	446
Источники	447
Примечания	457
Именной указатель	468
Приложение	485

ПРЕДИСЛОВИЕ

Имя Нобель ассоциируется прежде всего с Альфредом Нобелем. Это естественно, учитывая премию, учреждённую им более ста лет назад. Многим, но далеко не всем, известно, что он был выдающимся учёным и талантливым предпринимателем. Еще менее известно, что открытие нитроглицерина в качестве взрывчатого вещества, получившего потом название динамит, было сделано им в тесном сотрудничестве с отцом Иммануилом.

Альфред Нобель происходил из чрезвычайно одарённой семьи. Его отец — гений-универсал, которому подобных мало: архитектор, изобретатель, инженер, конструктор. И всё это имея в багаже лишь несколько лет образования.

Иммануил Нобель строил первый понтонный мост в Швеции, проектировал здания, изобретал подводные мины, конструировал паровые двигатели и многое другое. По его стопам пошёл не только Альфред, но и его братья Людвиг и Роберт.

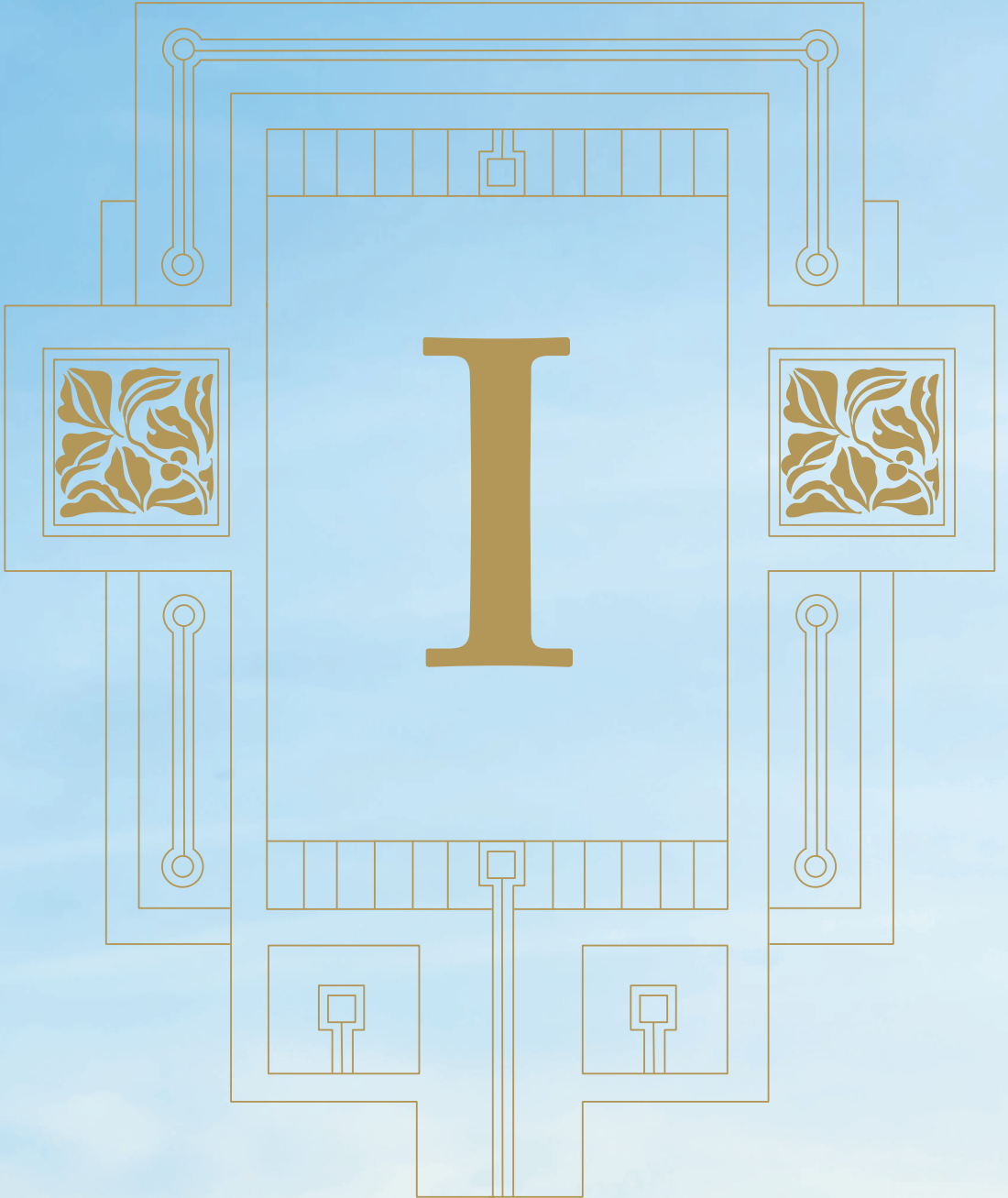
Братья родились в Стокгольме, но выросли в Петербурге, где отец управлял механической мастерской. Прожив в российской столице двадцать один год, Альфред вернулся в Швецию, но его братья остались в России. Людвиг превратил механическую мастерскую в один из самых успешных российских машинных заводов, а Роберт стал основателем «Бранобеля», крупнейшей нефтепромышленной компании России. Сын Людвига Эммануил сделал промышленную империю Нобелей одной из самых могучих в стране.

Всё это исчезло в революционных бурях 1917 года, упразднивших частное предпринимательство. Нобелям пришлось покинуть Россию, где они жили с 1838 года. В Советском Союзе их имя кануло в забвение.

Нобели были не только успешными предпринимателями, но и первопроходцами в своем отношении к рабочей силе. Уже в 1870 году они ввели систему распределения доходов, по которой инженеры и служащие получали до 40% от прибыли. Для работников механического завода в Петербурге и нефтяных предприятий в Закавказье строилось жильё и открывались школы для их детей. Во время Первой мировой войны в зданиях предприятия размещались госпитали Красного Креста. Члены семьи Нобелей были

образцовыми капиталистами в стране, всегда испытывавшей недостаток благосостояния и демократии.

Учреждением своей премии Альфред Нобель приобрёл международную славу. Не будь этой премии, он не был бы таким известным. Или же его знали бы как изобретателя и предпринимателя, обогатившегося на производстве взрывчатых веществ и военной техники. Деяния отца и братьев Альфреда были не менее примечательными. Как распределился талант внутри предпринимательской семьи «Иммануил Нобель и Сыновья», на самом деле, вопрос открытый. Данная шведско-русская семейная хроника является попыткой дать на него ответ.

ИММАНИИЛ НОБЕЛЬ

20 декабря в 1838 году начинается первая глава семейной и деловой хроники, беспрецедентной не только в шведско-русской истории, но и в мировой. В этот день была заложена основа влиятельной и богатейшей промышленной империи, аналогов которой в мире единицы.

Все началось в городе Евле (Gävle), где 24 марта 1801 года появился на свет Иммануил. Он был первым ребенком от брака Иммануила Нобеля-старшего (1757–1839) с Бритой Катариной (Кайсой) Альберг (1770–1823). Каждый из них ранее уже был в браке. Иммануил-старший потерял свою первую жену Анну Руселль в 1795-м, а Брита Катарина — своего мужа Берндта Мессмана в 1798 году.

Иммануил Нобель-старший был фельдшером, а затем госпитальным врачом и нес службу не только в Швеции, но и в Финляндии. Во время войны с Россией в 1788–1789 годах он едва не попал в плен в битве при Свенксунде. В 1790-е годы он работал в городах Венерсборг и Бурос, а в 1800 году поступил на службу в качестве «провинциального медицинского помощника» (что соответствовало статусу провинциального лекаря) в городе Евле, в ста семидесяти километрах к северу от Стокгольма, где проживал и работал кожевником его старший брат Улоф. Именно там он встретил свою вторую жену. Они повенчались 29 июня 1800 года, и ровно девять месяцев спустя родился первенец пары Иммануил. В 1803 году родилась дочь Бетти, а два года спустя — еще одна девочка, Амалия. Семья Нобель проживала в доме, доставшемся Брите Катарине по наследству от погибшего мужа. У супругов были дети от предыдущих браков. Иммануил-старший воспитывал семилетнюю Анну-Шарлотту, а Брита Катарина — одного сына и двух дочерей. Таким образом, в семье росли семеро детей: Иммануил с двумя своими сестрами, сводная сестра по отцу и брат и еще две сестры по матери. Несмотря на все трудности, брак был хорошим, хотя прокормить и воспитать семерых детей было делом нелегким.

Некоторое время Иммануил-старший работал лазаретным фельдшером на севере страны, в городе Сундсвалле. В 1808 году претендовал на вакансию городского врача. Однако его кандидатура оказалась невостребованной, и он вернулся в Евле.

луч солнца, сумел зажечь трубку отца. В другой раз, оказавшись запертым на чердаке, Иммануил вместо того чтобы звать на помощь, попытался выбраться своими силами. Инструментами для спасения послужили старый зонт и рыболовная сеть. Юноша сконструировал подобие парашюта — набросил сеть на зонт, чтобы тот не вывернуло наизнанку — и выпрыгнул из чердачного окна.

К рассказам такого рода, как правило, стоит относиться с осторожностью, поскольку задним числом они могут быть истолкованы как предсказания грядущего величия. Однако, как мы увидим, к Иммануилу подобные сомнения отношения не имеют.

О школьных годах Иммануила известно немного. Он посещал начальную школу в городе Евле, но как долго — неясно. Регистрационные книги тех времен сохранились частично. Судя по всему, он отучился всего несколько лет. След школьных достижений сохранился в виде награды в размере 12 шиллингов за пение, которую он получил в 1811 году, что свидетельствует о музыкальности Иммануила.

В начале XIX века в Евле было очень развито судостроение, а городской порт был самым крупным в Швеции. При этом населяло город не более пяти тысяч человек. Всего в Евле насчитывалось семь судоходных компаний и восемьдесят судов. В период навигации до 38 процентов покидающих порт судов направлялись в Средиземное море, не менее востребован был курс в Англию. Случалось, что корабли из Евле пересекали океаны и заходили в порты Южной и Северной Америки, Азии и Австралии. Основная деятельность города была связана с фрахтовым и каботажным делом, кораблестроительством, судоходством и торговлей. Для юного жителя Евле профессия моряка была естественным выбором, и многие мальчики предпочли море школе.

Море манило и молодого Иммануила. На досуге он рисовал шхуны и корабли. Талант проявлялся столь явно, что отца уговаривали отдать мальчика учиться кораблестроению. Инициатива исходила от капитана и кораблестроителя Юхана Улофа Острёма (1788–1820), который был женат на Магдалене, сводной сестре Иммануила. Благодаря его протекции тринадцатилетний Иммануил впервые отправился в плавание.

Море у мальчика было в крови. Дед по материнской линии заведовал Евльским портом, а первый муж Бриты Катарины, Берндт Мессман, служил капитаном торгового судна. Факт гибели супруга в Северном море не страшил ни Бриту Катарину, ни юного Иммануила, поэтому 15 июня 1815 года корабль с новоиспеченным юнгой на борту направился в Средиземное море.

Сим подтверждается найм подростка Иммануила Нобеля, несущего службу при Доме моряков <...> он рожден в Евле в год 1800-й, 24 марта <...>] Отец: фельдшер Иммануил Нобель, мать: Брита Катарина Альберг. Неженат. Нанят капитаном Сведманом каютным юнгой, для плаванья в Средиземном море <...>¹

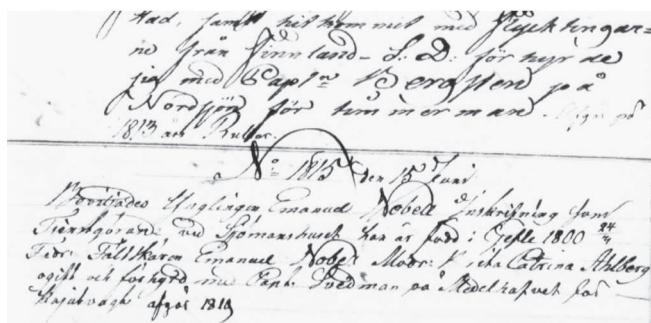

Корабельная верфь и школа в Евле. Последняя спроектирована Фредриком Блумом в 1813 году. Акварель Фердинанда Толлина. 1840-е годы

В МОРЕ

Фрегат «Тетис» покинул Евле с грузом, состоящим из «железа, досок и балок». Команда включала 12–14 человек. «Тетис» заходил в средиземноморские порты, где дополнительно загружались дрова (их продавали на развес, поэтому для утяжеления древесины торговцы обильно поливали ее водой), соль и люпины. А чтобы окупить расходы на обратный путь, в трюмах перевозили ртуть, ткани и деньги (испанские пиастры). Кораблем управлял капитан Петтер Сведман, который вскоре после отплытия умер. Его преемником стал капитан Хольмстранд, но команда прозвала его Дыгой — сокращенно от «забуддыги». По воспоминаниям Иммануила, новый капитан был «грубым, запойным и неотесанным проходимцем <...> ничто не цeniaщим, помимо бутылки с водкой и денег».²

За время плавания лоцман корабля научил Иммануила изъясняться на лингва франка, универсальном языке моряков и торгового люда в странах Средиземноморья. Основу лексики составляла смесь языков, которые были в ходу у местного населения. Главным портом маршрута был свободный порт Ливорно на берегу Тосканы. При этом «Тетис» заходил в итальянский Триест, сицилийский Трапани (на западном берегу острова) и египетскую Александрию. Последняя произвела на Иммануила глубокое впечатление.

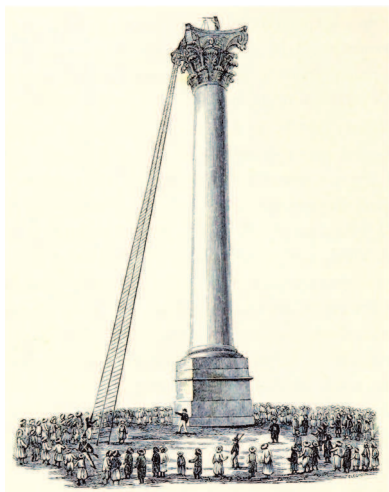
Выписка из архива
Дома моряков

Не в силах описать я чувства восторга, охватившего меня, когда после многих штормов и тяжестей пути солнечным и прекрасным утром вошли мы в старый Александрийский порт. К тому времени видел я уже чудесный воздух Испании и Италии, но что он в сравнении с этим прозрачным, высоким, лазурно-голубым небом, поразившим и наполнившим всех нас восторгом. Этот воздух, окружающий весь город, с его городскими стенами из желтоватого песчаника, возведенными Наполеоном I, произвели по крайней мере на меня впечатление, которое я никогда не позабуду.

В Александрии, куда до недавнего времени никакие «христианские» суда не имели права заходить, Иммануилу представилась возможность применить свою изобретательность на деле. Однажды он увидел, как несколько мужчин при помощи связанных друг с другом жезлов пытаются взобраться на капитель «Помпеевой колонны» — триумфальной колонны времен Древнего Рима около 20 метров высотой. Свое название она получила в честь римского полководца Помпея. Попытки терпели неудачу, поскольку «жезлы» — небольшие жерди — оказались слишком короткими для этой задачи. На ум Иммануилу пришли бумажные змеи, которые он мастерил в детстве, и он поделился с первым боцманом Йернфельтом мыслью, что при помощи воздушного змея можно было бы накинуть бечеву на капитель колонны, а уже при помощи бечевы подтянуть прочные тросы и по ним залезть наверх.

Следующим утром, к удивлению юноши, его идею претворили в жизнь: к колонне были приделаны мачтовые ванты, чтобы легче было взбираться, а на вершине колонны уже стояло несколько человек. Затем раздался выстрел из пистолета. В ответ со стороны моря прозвучали пушечные залпы, вслед за чем небольшая шлюпка отвалила от борта английского корабля и причалила к «Тетису». На борт судна была поднята корзина «со многими лакомыми фруктами». Это был, как выяснилось, подарок Иммануилу, предложение которого доложили капитану английского судна. Несколько часов спустя, когда сильно пьяный Дыга вернулся на корабль, Иммануил «заместо благодарности получил такую выволочку, что в ушах засвистело»: капитан решил, что фрукты были получены в обмен на что-то, что было украдено Иммануилом с корабля.

Английский морской офицер Джон Шортленд на Помпейской колонне, 1803 год

Через еще пару дней с английского судна пришел пожилой человек, который расспрашивал о юноше, давшем столь хороший совет. Капитан ответил, что мальчишек, умеющих давать хорошие советы, у него не водится. Англичанин вытащил из кармана бумажку и спросил, кто писал ее. Единственным человеком на корабле, умевшим изъясняться по-английски, был Йернфельт, и его немедленно вызвали к капитану. Боцман рассказал всё как было и указал на Иммануила. «Рослый и крупный англичанин поднял и поцеловал меня и выразил желание, как объяснил потом боцман, чтобы его сын был таким же находчивым, как и я, — вспоминал Иммануил. — Опозоренно стоял мой капитан, когда англичанин поведал, что первый кубок наверху колонны выпит был в мою честь».

Изобилующая деталями история несет печать достоверности, но так ли это? Десять с лишним лет до этого морской офицер британского флота Джон Шортленд совершил то же самое, использовав воздушного змея, чтобы забросить веревочную лестницу на капитель колонны. После этого он и морской капитан по имени Уайт забрались наверх, водрузили там «Юнион Джек» и подняли тост за короля Джорджа III. Эта история описана в *The Naval Chronicle* («Военно-морском вестнике») за 1812 год. Этот ли подвиг попытались повторить британские моряки? Мог ли Иммануил знать об этой истории, когда он много лет спустя составлял автобиографические заметки, приписав ее себе? Или это чистое совпадение, что шведский юнга и британский офицер пришли к одному и тому же решению? Невозможно знать. Но то, что у сметливого Иммануила могла возникнуть такая идея, вполне возможно.

Ко многому в рассказах Иммануила надо отнестись с осторожностью. Например, воспоминания о том, что он с борта корабля видел в бинокль Наполеона на Эльбе. Если это так, бинокль должен был быть очень сильным, поскольку император покинул остров задолго до того, как Иммануил оставил Евле. Однако это не обязательно ошибка памяти или выдумка. В то время новости распространялись медленно, и Иммануил с командой корабля вполне могли верить в то, что видели именно Наполеона.

В любом случае молодому каютному юнге удалось повидать многое за годы плавания. За это время успел скончаться не только капитан Сведман, но и корабельный плотник, из-за чего весь корабль попал в карантин, не заходя в Ливорно. А в одно из посещений Александрии заболел сам Иммануил: «Я претерпевал первые телесные боли, в результате которых я бы,

верно, скончался. И провидение, как и много раз до и после тех дней, ниспослало мне руку спасения».

Спасительная рука принадлежала Исмаилу Гибралтару, капитану турецкого флота. Он недавно вступил на египетскую службу и направлялся в Швецию для закупок военного снаряжения. «Тетис» оказался единственным шведским кораблем, стоявшем в Александрийском порту, и, по словам Иммануила, капитан выразил желание «увидеть северных белых медведей, которые, по его представлению, составляли его команду». Любопытство привело его на борт шведского судна, где он с большим интересом осматривал всё вокруг. «В особенности интересовали его чистота и порядок, царившие повсюду».

Поскольку Иммануил мог изъясняться на лингва франка, Гибралтар спросил капитана Хольмстранда, не разрешит ли он ему взять юнца с собой в Швецию. Однако капитан поставил столь невыносимые финансовые условия, что предложение отпало. Узнав, что Иммануил заболел чумой, Гибралтар послал своего корабельного врача, который вскрыл бубон и тем самым спас юноше жизнь.³

Груженный французской солью «Тетис» вернулся в Евле между 18 и 24 июля 1818 года. К этому времени Иммануил находился в плавании три года и один месяц. Родители, родные и сводные сестры и братья приняли его с распростертыми объятьями. Не было только Бернхарда, который уже покинул отчий дом. На вопрос матери, что бы Иммануил хотел на ужин, он ответил: «Колбасу». Мать не знала, что делать, поскольку висевшая в кухне на шестке колбаса была старая и засохшая, но у Иммануила «слюнки во рту потекли при мысли о блюде, по которому я так давно скучал».

До поступления на «Тетис» Иммануил по понятным причинам «мало что на свете успел повидать», и многое из того, что он увидел во время странствий, поразило его воображение. Не будь он столь юн, то, «возможно, сумел бы рассказать о многих интересных вещах», пишет Иммануил в автобиографических записках. Понятно, что по молодости многое ускользнуло от его внимания, но его размышления, например о религии, дают некоторое понятие о его мировоззрении и характере.

За время путешествий ему не раз приходилось быть свидетелем ханжеского поведения священников и монахов. Однажды в свободный день он вместе с командой сошел на берег провинции Трапани на острове Сицилия. Перемещаясь «из одного кабака в другой», компания завернула под конец вечера в бордель, где встретившая их мамаша, сложив руки на Библии, клятвенно заверила матросов, что «господа без опаски могут воспользоваться ее дочерью». Когда же это не возымело должного эффекта, она позвала монаха, который охотно подтвердил ее слова. «До такого уровня непотребства смог дойти народ этого прекрасного края, развращенный своими же священниками и монахами, — пишет Иммануил, риторически вопрошая: — Возможно ли

без дрожи отвращения взирать на весь этот причт, павший столь глубоко, как эти католические так называемые священнослужители?»

На самом деле не только «католические так называемые священнослужители» бередили религиозные сомнения в душе молодого Иммануила. В общем и целом его отношение к официальной религии было скептическим, чему в немалой степени способствовали наблюдения за природными явлениями в ходе его морских путешествий. Однажды море наполнилось светящимися медузами, а небо озарило «ярко сверкающими вспышками, подобными нашим зарницам, но гораздо более пронзительными». Они распространялись вдаль по линии горизонта, внезапно пропадали и возникали вновь «в новом и весьма отдаленном месте или с противоположной стороны». Подобные феномены побуждали Иммануила задумываться над природой, над христианским учением и над загробной жизнью.

Всё то прекрасное, что я наблюдал в Творении, наводило меня, будучи тогда лишь мальчиком, на размышления о том, как мало наши религиозные сочинители думали над дивными богатствами природы. Ради достижения своих целей они прибегают к таким неправдоподобным объяснениям, которые излагают в наших так называемых Священных Писаниях самым искаженным образом. И паства в простоте своей верит, дабы они не были исключены из блаженной жизни в загробном мире.

Спустя некоторое время с момента возвращения домой он всё еще не прошел конфирмацию. Это обстоятельство требовалось немедленно исправить, если Иммануил захотел бы снова выйти в море. Отец договорился с местным пастором Акснером, что Иммануил пройдет у него обучение частным образом, что, по мнению последнего, означало «сделать шаг назад после всех тех пасторских проказ и мошенничеств в разных странах, которые я в течение длительных моих путешествий имел случай наблюдать». Однако пастор оказался умным человеком и не настаивал на изучении Катехизиса, в котором Иммануил разбирался плохо, а ограничился беседами «только лишь о том, что касалось Бога по отношению к природе, или наоборот». После трех уроков юноша был допущен к причастию. В той мере, в которой Иммануил мог считаться человеком религиозным, его, скорее всего, можно было отнести к пантеистам.

По возвращении сына домой отец пытался вновь убедить его выбрать «дорогу, по которой он, в силу своих знаний, мог бы меня направлять», но Иммануил категорически отказался. Учиться он ни за что не желал. На самом деле Иммануил так и не выучился грамотно писать. Непоследовательная и весьма самобытная орфография, равно как и неумение построить законченно-связанное предложение, намекает на то, что, помимо недостатка в школьных знаниях, он страдал также некой формой дислексии. (Вышеприведенные цитаты из автобиографических записок были когда-то кем-то отредактированы и не отражают его собственной письменной речи.)